

■ премьера

закидали подушками

«Звуки музыки» на сцене детского театра «Карамболь»

«Звуки музыки» — столь заразительный спектакль, что зрителю впору выпрыгнуть на сцену и включиться в действие Фотограф: Михаил Сплицын

■ ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

Знаменитый бродвейский мюзикл Роджерса-Хаммерстайна «Звуки музыки» и снятый по нему фильм, собравший в свое время кучу «Оскаров», знают решительно все. Тем не менее у нас «Звуки музыки» никогда не ставились, поэтому идея Ирины Брондз, художественного руководителя театра «Карамболь», привить американский мюзикл на питерскую почву — достаточно неожиданный поворот в деле освоения мюзикла на российском поле.

Ирине Брондз удалось собрать под свои знамена блестящую постановочную команду: режиссер Юрий Александров, художник Эмиль Капелюш, балетмейстер Сергей Грицай — все «масконосцы», каждый по-своему определяет ныне физиономию

нашего театра. В прошлом году и сам «Карамболь» едва не угодил в лауреаты «Золотой маски». Спектакль Леонида Квинихидзе по музыке Максима Дунаевского «Мэри Поппинс, до свидания!» был номинирован, практически не имел конкурентов,

но не получил ничего. Ниша детского театра в обширной «масочной» панораме доселе пуста. Между тем практически на пустом месте за пятнадцать лет Ирина Брондз вырастила интересный веселый демократичный детский театр, многожды доказавший свою жизнеспособность и востребованность. На спектаклях «Карамболя» аншлаги, в городе он хорошо известен, хоть и вынужден скитаться по чужим сценам: своего дома у театра до сих пор нет.

«Звуки музыки» — еще один этап в эволюции коллектива, после которого сомнений нет: «Карамболь» — активно и успешно развивающийся театральный организм, со своим хором, орке-

стром и даже детской студией. В его репертуаре есть спектакли и для 3—4-летних малышей, и для детей постарше. Но «Звуки музыки» — для семейного посещения. История о семерых детях капитана фон Траппа и их няне Марии Райнер, научившей питомцев петь, создавшей семейный ансамбль и семейный очаг, основана на реальной истории, которая произошла в австрийских Альпах в годы войны. Умилительный сюжет с хеппи-эндом, рассыпанные там и сям чудесные мелодии, вроде лирической песни об эдельвейсе, обладают неизъяснимой притягательностью.

Конечно, «Карамболу» никогда не достичь шика и блеска бога-

тых бродвейских постановок: актерские и финансовые ресурсы детского театра значительно скромнее. Его спектакли берут за живое другим: бесхитростностью интонации, теплотой атмосферы, точным корректным исполнением. В чем, несомненно, просматривается дирижерская воля и кропотливая работа Сергея Тарарина, музыкального руководителя постановки. И взрослые, и дети поют чисто и осмысленно, несмотря на немалые физические перегрузки: Грицай придумал для актеров танцы нон-стоп, и все — ужасно сложные и замысловатые. Например, свой дуэт Лесли и Мария поют стоя на одной ноге.

Удивительно работают на сцене дети. Фантастически одаренные, артистичные, подвижные, со звонкими голосами, они выкладываются по полной, не щадя себя — даже трогательная шестилетняя малышка Настя Кузнецова, играющая младшую, Грету. Их умение петь и артистизм — плод упорных занятий в детской студии, основанной почти одновременно с театром. Дети населяют спектакли «Карамболя» с самого его зарождения: играют гномов в «Белоснежке», участвуют в «Карнавале Чукковского» и «Царевне-лягушке». А в «Трех толстяках» роль Суок очень мило исполнила в свое время десятилетняя Ира Обрезкова.

Главную роль в спектакле поручили Юлии Надервель — ведущей актрисе труппы. Обаятельная и раскованная, она свободно двигается, танцует, исполняет сложные акробатические трюки. Под стать ей и молодая Снежана Лосева (Лесли), обнаружившая поразительную прыгучесть и пластичность в сценах с влюбленным в нее Рольфом (Александр Трофимов). Благодаря Юрию Александрову общий тонус спектакля настолько заразителен, что хочется выпрыгнуть на сцену и включиться в действие — подпевать, танцевать лендлер и кидаться подушками.

■ КНИГИ

девочка и смерть

вышло собрание текстов Алины Витухновской

■ КИРИЛЛ РЕШЕТНИКОВ

В середине 1990-х Алина Витухновская оказалась самым медийно востребованным молодым поэтом России, подвергшись преследованиям со стороны ФСБ по делу о наркоторговле и став узником Бутырской тюрьмы. Несмотря на скепсис некоторых критиков, очевидно, что стихи Витухновской заслуживают самого внимательного прочтения независимо от биографического фона. В этом лишний раз убеждает недавно вышедшее большое собрание текстов поэта.

В «умной» литературной среде Алину Витухновскую принято не любить. В период ее шумной известности, связанной с судом и отсидкой, продвинутые аналитики посмеивались над тем вниманием, которое уделяли ей проникшие правозащитным пафосом уважаемые представители старшего поэтического поколения вроде Кедрова и Вознесенского. Мол, для того, чтобы быть замеченным, молодому поэту нужно угодить в Бутырку, в противном случае члены ПЕН-клуба о нем вообще не узнают, а между тем существуют десятки двадцатилетних стихотворцев, ничуть не менее талантливых и заслуживающих как минимум

такой же благосклонности. И Витухновскую на их фоне никто бы с такой страстью не выделял, не стань она героиней столь громкой истории. Говоря так, скептики впадали в крайность, обратную той, которой грешили Кедров и Вознесенский.

Уравнивать Витухновскую с большинством ее ровесников-стихотворцев, в том числе и активно раскручиваемых пропагандистами так называемой молодой литературы, тоже нельзя. Не потому, что ее стихи лучше, а потому, что они представляют собой нечто очень обособленное и, безусловно, узнаваемое с первых строк (хотя ситуация несколько

замутнена эпигонами). Культурным чтением радикалов, каковым сочинения Витухновской являются или по крайней мере являлись еще совсем недавно, обычная поэзия не становится, даже если автор садится в тюрьму. Для того чтобы начать играть такую роль, необходим особый посыл. В стихах Витухновской он присутствует. Да и про радикалов тоже можно забыть — бог с ними, с радикалами. Словесной одаренности Алины хватило бы на сотню современных молодых литераторов, читающих свои тоскливые верлибры по клубам и приумножающих тем самым комфортный духовный вакуум, который даже в 1990-х не был таким дремучим и непроницаемым, как сейчас.

По книге «Черная икона русской литературы», в которой собрана большая часть стихотворных и прозаических вещей Витухновской, хорошо видно, что она — поэт неровный. Совершенно незапоминающихся, вялых и невнятных стихов здесь достаточно. Но Витухновская — из тех поэтов, для которых луга важнее, чем соты: они пишут много, и на определенное количество «словесной руды» неиз-

бежно приходится несколько удач, а то и шедевров. Но дело не только в удачах. Витухновская — в числе тех немногих, кто создал один из основных стилей альтернативной русской словесности минувшего десятилетия. В противовес любителям чисто игрового или подчеркнуто интеллектуального подхода к письму, продолжающего постмодернистскую линию, Витухновская сделала ставку на безудержный максимализм и серьезность — и не ошиблась. В результате ее стихи сейчас занимают одно из первых мест в ряду новейших текстов, так или иначе связанных с модернизмом и классической традицией в расширенном понимании. Программный трагизм, навязчивая тема смерти, провокативные фашистские мотивы и полуфутуристическая форма даже не в самых лучших своих проявлениях выглядят весьма выгодно на фоне нынешнего поэтического апокалипсиса, творимого гуманитарно образованными яппи и завсегда-ями живых журналов.

«А мы-то знаем, как приходят тараканы — // Их носят карлики, как лебедей, на ручках», — чита-

ем мы в одном из стихотворений книги. Витухновская существует внутри канона, противостоящего канону тараканов и карликов, и уже поэтому ее стоит читать.

Алина Витухновская. Черная икона русской литературы. — Екатеринбург: УльтраКультура, 2005. — 432 с.